

МАТЕРИАЛЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЪЕЗДОВ (1869–1914) КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА РОССИИ

*Работа представлена кафедрой музееведения и экскурсоведения
Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.
Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент И. В. Саверкина*

В статье приводится анализ материалов археологических съездов в России (1869–1914), отражающих состояние музейного дела, вопросов частного коллекционирования и охраны памятников истории и культуры.

Ключевые слова: археологические съезды, П. С. Уварова, Московское Археологическое общество, История музейного дела в России, частное коллекционирование.

The article includes the analysis of the documents of the Archeological Congresses in Russia (1869–1914) that reflected the state of museum development, the problems of private collecting and preservation of historical and cultural monuments.

Key words: Archaeological Congresses, P. S. Uvarova, the Moscow Archaeological Society, history of museum studies in Russia, private collecting.

Становление и развитие музейного дела в России тесно связано с археологическими исследованиями. Начиная с первых указов Петра I о «разыскании» древностей, археологические памятники становятся одним из источников пополнения частных и музейных коллекций. Во второй половине XIX в. археологические исследования в Рос-

сии приобретают уже систематический характер, а археологические памятники все чаще используются для обоснования и подтверждения выводов культурно-исторических исследований (работы И. Е. Забелина, Д. Н. Анучина, В. В. Радлова).

В связи со все возрастающим общественным интересом к российским древ-

ностям во второй половине XIX в. и интенсивным вовлечением памятников истории и культуры в научный оборот особенно остро был поставлен вопрос о необходимости сохранения и изучения памятников культуры. Этой проблеме уделялось немало внимания как в научной среде, так и в многочисленных научно-просветительских обществах, интенсивно развивавшихся в пореформенную эпоху. Археологические общества, архивные комиссии, статистические комитеты, общества любителей истории и древностей, отделения Российского Географического общества проводили обширную работу по выявлению и изучению памятников истории и культуры различных исторических эпох. Одним из ведущих научных обществ России, деятельность которого была направлена на выявление и сохранение памятников истории и культуры, стало Московское Археологическое общество (МАО), созданное в 1864 г. по инициативе графа А. С. Уварова.

Основателю общества и первому его председателю графу А. С. Уварову удалось собрать и объединить вокруг себя значительные научные силы России. За время существования МАО было выпущено около 200 томов трудов, составивших ценнейшую библиотеку для изучения русской национальной культуры и истории. Привлекая внимание широкой научной общественности к вопросам изучения и сохранения памятников культуры, МАО выступило с инициативой проведения в различных городах Российской империи, известных своими памятниками и культурными традициями, Археологических съездов.

Археологические съезды в России созывались с 1869 г. каждые три года. С 1869 по 1914 г. было проведено 15 съездов: дважды в Москве (1869, 1890) и Киеве (1874, 1899), а также в Петербурге (1871), Казани (1877), Тифлисе (1881), Одессе (1884), Ярославле (1887), Вильно (1893), Риге (1896), Харькове (1902), Ека-

теринославе (1905), Чернигове (1908), Новгороде (1911). Шестнадцатый Археологический съезд, планировавшийся на 1914 г. во Пскове, был отложен за несколько дней до открытия в связи с началом Первой мировой войны.

Главную цель археологических съездов организаторы видели в объединении всех научных сил России в области разыскания, изучения, охраны и популяризации памятников истории и культуры. Определяя своей основной задачей исследование и охрану памятников истории и культуры всех исторических эпох, археологические съезды немало внимания уделяли вопросам выявления и исследования частных коллекций, формирования и развития провинциальных и учебных музеев как центров по сохранению и изучению памятников культуры, развитию музейного дела. Постоянными участниками археологических съездов были представители Императорской Академии наук, Императорских университетов, Духовных академий, Императорской Академии художеств, музеев, библиотек, архивов, статистических комитетов, Археологических комиссий, а также многочисленных ученых обществ, таких как Императорское общество истории и древностей Российских, Общество древнерусского искусства, Ученое общество истории и древностей Остзейских губерний, Одесское общество любителей древностей и многие другие. Заданный еще на I Археологическом съезде демократический тон собраний позволял участвовать на заседаниях съезда каждому, кто подал заявку, что оказало неоценимую услугу развитию местной науки, вовлечению в ряды ученых провинциальных исследователей.

Целью данной статьи является выявление, систематизация и общая характеристика материалов по истории музейного дела в России в пореформенную эпоху, содержащихся в материалах археологических съездов.

Перед открытием каждого съезда созывался Предварительный комитет, в обязанности которого входила вся организационная работа по подготовке съезда. Он определял структуру и порядок работы съезда, занимался организацией археологической выставки, научных экскурсий, рассылкой приглашений для участия в съезде, публикацией трудов съезда. Основным источником изучения деятельности археологических съездов являются опубликованные организаторами практически все материалы, имеющие отношение к работе съездов. Эти материалы можно разделить на следующие группы:

- Правила съездов – содержат правила и программу работы съездов, протоколы заседаний предварительных комитетов;

- Труды предварительных комитетов – отчеты о работе по организации съездов и выставок, публикации исследований и отчетов археологических исследований, проведенных в период подготовки съездов;

- Известия о занятиях съездов – протоколы публичных заседаний, списки участников и культурная программа (экскурсии, археологические раскопки, часы посещения выставки и т. д.);

- Списки участников съездов;

- Труды съездов – правила, программы, «вопросы, на которые съезд хотел бы получить ответы» – своеобразные научные запросы, протоколы публичных заседаний, отчеты предварительного комитета, Совета съезда и представленные доклады;

- Атласы (собрание карт, планов и рисунков) – фототипические воспроизведения наиболее интересных материалов, демонстрировавшихся при докладах или на выставке съездов;

- Указатели (каталоги) выставок – списки выставляемых предметов или комплексов с указанием владельца, размеров, происхождения, иногда краткой аннотацией.

Опубликованные в материалах археологических съездов доклады, сообщения и целые исследования посвящены вопросам истории, археологии, этнографии, литературы, лингвистики, историографии, исторической географии, искусствоведения и ряда других гуманитарных дисциплин и содержат богатый фактический материал. Ряд исследований не потерял своей научной ценности и по сей день. Такой широкий диапазон вопросов, рассматриваемых на археологических съездах, связан прежде всего с более обширным понятием термина «археология», бытовавшем во второй половине XIX в. Археология рассматривалась как наука о разыскании и исследовании древностей различного вида, в том числе, например, церковная археология, изучающая памятники религиозного искусства.

Неоднократно на съездах обсуждались вопросы формирования и изучения частных и музейных коллекций, программы развития учебных и провинциальных музеев различных типов (историко-этнографических, археологических, церковно-археологических), вопросы научной и просветительской деятельности музеев, а также роль музеев в научном сообществе. Открывая I Археологический съезд в Москве в 1869 г., М. Н. Погодин в своем докладе «О судьбах археологии в России» [27, с. 1–44], характеризуя развитие археологических исследований и ведя свое повествование от истории Румянцевского кружка начала XIX в., особое внимание уделяет развитию частных и музейных коллекций как центров по сохранению древностей от уничтожения.

Вопросу формирования и состава коллекций доисторических древностей на I Археологическом съезде в 1869 г. был посвящен доклад хранителя христианских и русских древностей Оружейной палаты, коллекционера и исследователя Г. Д. Филлимонова [39, с. LXXXVII–LXXXVIII]. Обращение автора доклада к этому вопросу

чрезвычайно любопытно. Анализируя состав частных коллекций и музейных собраний России до середины XIX в., мы практически не встречаем коллекций памятников дописьменных культур [40, с. 96–106]. Как уже говорилось выше, в середине XIX в., за археологическими памятниками признается право исторического источника, исследование которого позволяет проводить реконструкции обычаев, обрядов, бытового уклада и т. п. И автор доклада – Г. Д. Филлимонов обращает внимание съезда на необходимость более внимательного отношения к предметам, еще достаточно плохо изученным и нередко непонятым, с целью формирования коллекций – научной базы для будущих исследователей.

Вопросу организации археологического музея в знаменитом городище Булгары Казанской губернии был посвящен доклад члена Псковского губернского статистического комитета К. Т. Евлентьева [15, с. 89]. Сравнивая значение исследований сохранившихся развалин древнего Булгара с археологическими исследованиями Помпей, автор проекта предлагал открыть музей за счет финансирования правительства, научного общества или частного лица. Собирателем и хранителем коллекций автор видел местного священника, которому население будет приносить все найденное в земле. Сбирать памятники древности и участвовать в устройении музея могут также преподаватели и ученики ближайших училищ. Размещать коллекции предполагалось в крестьянской избе, обязанности директора музея – возлагались на профессора Казанского университета или на попечителя учебного округа. Директору вменялось в обязанность предоставлять в местное Археологическое общество ежегодный отчет о деятельности музея. Но главной особенностью проекта археологического музея в Булгаре является то, что К. Т. Евлентьев предлагает создать своеобразный

музейный комплекс, заключающий в себе как развалины древнего города, так и музей татарско-булгарских древностей. При этом неоднократно подчеркивается цель создания музея – охрана памятника древней истории Казанской губернии и просветительские задачи музея.

Немало внимания на археологических съездах привлекали вопросы изучения и сохранения памятников религиозной культуры. Проект образования церковно-археологических музеев при Духовных академиях был предложен на II Археологическом съезде в Петербурге в 1871 г. профессором Киевской Духовной академии и Университета святого Владимира П. А. Лашкаревым [20, с. 60]. Автор проекта предлагал в целях сохранения и изучения памятников религиозной культуры организовывать при Духовных академиях церковно-археологические музеи, формируя коллекции за счет вышедших из употребления предметов, хранящихся в ризницах, подвалах, чердаках, сараях при церквях и монастырях. Возникновение и развитие церковно-археологических музеев было также вызвано и необходимостью учебного процесса – по новому уставу о Духовных академиях, утвержденному в 1869 г., церковная археология рассматривалась как самостоятельная дисциплина и требовала особых условий преподавания. Для учебного курса требовалось использование наглядных материалов, и создание музеев было призвано решить эту проблему, а также предотвратить уничтожение, как могло показаться, «обветшавших» церковных предметов, продававшихся старьевщикам или просто уничтожавшихся, послужить просветительским целям. При обсуждении проекта организации церковно-археологических музеев выступил также профессор Петербургской Духовной академии П. И. Савваитов, предложив открывать церковно-археологические музеи не при академиях, а при епархиях, так как священники, по его мнению, охотнее бу-

дуг «примечательные» вещи отдавать своему архиерею [35, с. 60]. Важно отметить, что предложения П. А. Лашкарева по организации музея были реализованы. Так, в 1871 г. при участии профессора Киевской Духовной академии Ф. А. Терновского и преподавателя А. Д. Воронова П. А. Лашкарев подает в Совет академии доклад об учреждении при Киевской Духовной академии Церковно-археологического общества и музея. Проект был отослан в Синод и 18 октября 1872 г. указом последнего утвержден. Музей Киевской духовной академии стал первым церковно-археологическим музеем в России [26, с. 134–151].

К вопросу организации музеев образовательного характера обращались также на III Археологическом съезде в Киеве в 1875 г. На общем заседании съезда был представлен план создания учебного историко-археологического музея. Толчком к подобному рода проекту послужил доклад профессора Дерптского университета Ю. Брикнера, посвященный вопросу преподавания курса истории и археологии в университетах [8, с. 39–48], где автор подчеркнул особую важность использования наглядных материалов для преподавания. Профессор Киевского университета святого Владимира – П. В. Павлов предложил на обсуждение съезда план университетского музея, который, по мнению автора, может «содействовать наиболее успешному преподаванию в них истории искусств». Как предполагал автор проекта, археологические коллекции должны дополнять этнографические, что в полной мере отражает развитие этих научных дисциплин в этот период. При обоих необходимо иметь библиотеки и читальню. Характер музея автором определяется не как закрытое вспомогательное учреждение с сугубо научными целями, а как просветительский центр. «Музеи должны быть доступны не только студентам, но и для публики. При них мо-

гут быть устраиваемы публичные лекции о разных предметах, относящихся к области археологии и этнографии» [25, с. 23]. Уже на VI Археологическом съезде в Одессе с докладом о принципах и приемах пополнения коллекций Университетских собраний выступал профессор Киевского университета св. Владимира Б. В. Антонович [3, с. LXIII].

Особое внимание вопросу организации и статуса областных (провинциальных) музеев было уделено на VII Археологическом съезде, проходившем в Ярославле в 1890 г. С докладом перед съездом выступила П. С. Уварова [38, с. 259–283], принявшая после смерти С. А. Уварова обязанности председателя Московского Археологического общества. Интерес П. С. Уваровой к проблеме деятельности и статуса музеев в России был вызван целым рядом причин, одна из которых заключалась в том, что автор проекта положения о губернских и областных музеях видела в развитии музеев одну из важных составляющих просвещения в России. «Нет сомнения, что только учреждению Музеев запад обязан распространением просвещения среди масс, воспитанием вкуса публики, развитием искусств и промышленности» [38, с. 281]. Доклад графини П. С. Уваровой состоит из двух частей. В первой части фактически впервые дан анализ существовавших в конце XIX в. музеев и, где это было возможно, краткая характеристика их собраний. Во второй части – Проект положения о губернских и областных музеях. Все существующие музейные собрания делятся автором по принципу подчиненности – университетские; собрания ученых обществ; коллекции, устраиваемые при гимназиях; реальных училищах; древлехранилища; Собрания Архивных комиссий; музеи, зависящие от различных ученых обществ и учреждений; губернские музеи, зависящие от правительства; музеи при статистических комитетах; музеи и

коллекции частных лиц, и губернские, областные и земские музеи, возникшие по частной инициативе. При характеристике существующих музеев Уварова обращает внимание не только на характер, источник поступления коллекций и доступность собрания как для публики, так и для исследователей, но и на наличие научного описания коллекций или каталога музея. Так, при характеристике собрания Саратовской Архивной комиссии П. С. Уварова отмечает, что «собрание состоит из небольшого количества предметов, полученных от Губернского Статистического комитета без всяких указаний и документов, что отнимает значение у предметов и лишает их того интереса, который они могли бы иметь для исследования» [38, с. 265]. Давая краткую характеристику каждого выделенного типа собраний, П. С. Уварова обращает внимание собравшихся на тот факт, что университетские коллекции, собрания при гимназиях и реальных училищах организуются, как правило, с чисто педагогическими целями, но уровень образования таков, что систематических и серьезных собраний крайне мало, а при существующих более распространены естественнонаучные собрания, нежели археологические.

Наибольшее одобрение автора доклада получили собрания ученых обществ. Уварова отмечает, что коллекции существуют почти при всех ученых обществах (в списке известных П. С. Уваровой собраний научных обществ числится 15 коллекций), нередко имеют достаточно богатые собрания, доступны публике и исследователям и выполняют функции просветительного, учебного, а также исследовательского, научного центра. Ряд собраний этой группы имеют каталоги, как, например, музей при Томском университете или собрание Одесского общества истории и древностей. А коллекции МАО описываются и регулярно пополняют собрание Императорского Исторического музея в

Москве. Отдельной группой выделены музеи, зависящие от различных ученых обществ и учреждений, как, например, Керченский или Херсонесский музеи, подчиняющиеся Императорскому Археологическому обществу, лишённые всякой самостоятельности и средств к существованию, вынужденные лучшие находки передавать в собрание Императорского Эрмитажа.

Следующий тип собраний, описанных Уваровой, – древлехранилища, устраиваемые при Духовных академиях, семинариях, православных братствах и при епархиях с целью сохранения церковных древностей, вышедших из употребления. Всего названо 9 собраний, при этом не отмечено, что музеи при Духовных академиях (Киевской, Московской, Петербургской) изначально формировались как учебные музеи. Собрания Архивных комиссий и статистических комитетов также выделены в две разные группы. Описывая собрания Архивных комиссий, Уварова отмечает, что в собраниях находятся не только письменные памятники, но и археологические, а собрания статистических комитетов представляют по численности едва ли не самую большую группу музеев. Из 80 существовавших в 80–90-е гг. XIX в. статистических комитетов музеи и коллекции древностей имелись при 21 комитете.

Следующая группа музеев – губернские, областные и земские. Таких музеев названо Уваровой 18. Давая характеристику этой группы музеев, автор отмечает, что эти музеи обязаны своим существованием исключительно инициативе частных лиц, сумевших обратить внимание губернских, областных или земских властей на необходимость существования того или иного музея. В связи с этим важно отметить, что отдельной самостоятельной группой Уварова выделяет музеи и коллекции частных лиц, которые использовались для научных исследований и не

редко были доступны публике. Самую незначительную по численности группу представляют губернские музеи, зависящие от правительства. Таких музеев названо всего 4 – Виленский, Ташкентский, Тифлисский и Севастопольский музей имени графа Тотлебена. Характеристики этой группы музеев Уварова тактично не дает. Важно отметить, что фактически в докладе Уваровой впервые сделана попытка осветить общее состояние музейного дела в России.

При характеристике музеев и далее, в Проекте положения о музеях, П. С. Уварова уделяет много внимания частным коллекциям. Прежде всего это объясняется тем, что большая часть памятников культуры находилась в частных собраниях. Наличие государственных музеев было скорее исключением, чем правилом. Активная собирательская деятельность, отмеченная во второй половине XIX в., фактически явилась основой той музейной сети, которая начала складываться в России до революции и получила дальнейшее развитие в советское время. Предложив вниманию съезда общую картину развития российских музеев, П. С. Уварова особое внимание обращает на частную инициативу при организации музеев, обращаясь к собравшимся с вопросом: «Каким образом закрепить за обществом и страной те сокровища, которые эта частная инициатива приносит в дар отечеству совершенно добровольно» [39, с. 280], и, как чрезвычайно точно отмечено А. И. Фроловым, на повестку дня был вынесен один из самых непростых вопросов – вопрос о сочетании частной инициативы и деятельности государственных учреждений [41, с. 68].

Дав характеристику и краткое описание музеев, существовавших в 80-е гг. XIX в., графиня П. С. Уварова выступает с Проектом положения о губернских и областных музеях, где впервые выносятся на обсуждение вопрос о проведении го-

сударственных мер по развитию музеев в России. Согласно этому проекту, все музеи и коллекции признаются общественным достоянием города или всей страны. «Задача музея должна состоять в наглядном ознакомлении публики с историей страны и развитием в ней культуры во всех ее формах и проявлениях» [38, с. 282]. Особое внимание П. С. Уварова уделяет целостности коллекций, которые недопустимо отчуждать, делить, продавать и т. д. В связи с этим появляется и положение о том, что музеи должны прилагать все усилия для привлечения в свой состав местных частных коллекций, которые «так же легко собираются, как и гибнут». Для управления музеем Уварова предлагает создать Совет музея, в состав которого были бы включены как официальные, так и частные лица, заинтересованные в сохранении и развитии музея. Практика существования такой организации достаточно широко была распространена в Европе в конце XIX – начале XX в. и существует по сей день. Финансирование музеев, по мнению автора проекта, должно осуществляться как государственными (городскими, земскими, губернскими) органами, так и частными лицами, заинтересованными в развитии просвещения в стране. При этом музею отводится важная роль научного центра окружающей его местности, в котором должна сосредотачиваться информация о всех исследованиях, систематических или случайных раскопках, а также специальная библиотека.

В качестве приложения к докладу в том же томе Трудов VII Археологического съезда опубликован «Список лиц, имеющих коллекции», составленный по сведениям, полученным от статистических комитетов. В этом списке названы 123 человека из 25 губерний, исключая регионы Москвы и Петербурга. Наибольшее число коллекций – 13 – отмечено в Киевской губернии, 12 – в Курляндской, 11 – в Псковской, 9 – в Смоленской и по 7 –

в Волынской, Калужской, Ковенской и Полтавской губерниях. Социальный состав коллекционеров – от представителей дворянства до сельских учителей и крестьян [38, с. 285–287], что еще раз подчеркивает интенсивность развития частного коллекционирования в России. Этот список безусловно неполон, например, в Псковской губернии не указана знаменитая коллекция Плюшкина, но как статистический материал список является любопытным источником по истории развития частного коллекционирования и музейного дела в России.

В дискуссии, возникшей в связи с выступлением П. С. Уваровой на VII Археологическом съезде, принял участие И. Ф. Лихачев [22, с. 329–336; 23, с. 337–356]. Два его доклада были посвящены проблеме развития музея как научно-просветительского центра. Обращаясь к вопросу современного состояния музеев в России, И. Ф. Лихачев классифицировал их не по принципу подчиненности, а по характеру собрания. При этом Лихачев проводит достаточно четкую черту между музеем и частным собранием. «Музей тем и отличается от простого собрания или коллекции, что последняя есть только хранилище, склад и может помещаться хотя бы в хорошей кладовой – лишь бы все предметы были целы и сохранны, музей же имеет образовательную цель» [23, с. 338]. И для достижения этой цели при устройстве музея необходимо, по мнению автора, уделять больше внимания тому, как выставлены предметы, достаточно ли они освещены, предусмотрены ли места для отдыха посетителей и места, где все желающие могут получить справку о заинтересовавшем их вопросе. Особо автор подчеркивает, что в музее предметы должны быть выставлены «систематически, в известном порядке и последовательности», а также снабжены необходимыми справками-этикетками, с возможно подробной и точной информацией о предмете или

группе предметов, выполняющих роль каталога, который Лихачев понимает как своеобразную «душу музея». Каталог, по мнению автора, служит путеводителем для посетителя, помогая не только увидеть предмет, но и понять его «надлежащим образом». Эту же роль может выполнять и консультант или экскурсовод, постоянно находящийся при музее и готовый дать грамотные объяснения всем желающим. Обязательной частью музея должна стать специальная справочная библиотека при музее, в которой все желающие могли бы получить дополнительную информацию.

Определив все основные требования к музею, Лихачев отмечает, что для его организации необходимо иметь коллекцию, помещение и средства на содержание и ремонт здания и экспозиции, средства на содержание персонала, среди которого необходимо иметь хотя бы одного специалиста на каждый из отделов музея, если таковые имеются, и средства на приобретение и выписку книг. Наиболее проблемным для автора стал вопрос финансирования. При решении этой проблемы автор отмечает, что устройству музеев должны содействовать города, как они помогают, например, театрам. А музеи, просуществовавшие не менее 3 лет, могут получать уже и правительственные субсидии. Посредником между государством и такими музеями, дабы не создавать очередной бюрократической структуры, Лихачев предлагает Императорское Московское Археологическое общество и Археологические съезды. В докладе «Об устройстве провинциальных музеев и основании общества Охраны национальных памятников» [23, с. 337–356] И. Ф. Лихачев обратил внимание съезда на значение музеев как центров сохранения памятников национальной культуры и практически повторил свои положения о задачах и форме существования музеев, о которых речь шла выше.

Своеобразным дополнением докладов П. С. Уваровой и И. Ф. Лихачева стало сообщение П. А. Висковатова о деятельности Эстонского ученого общества, членом которого он был, по вопросам охраны памятников и развитию археологической коллекции [10, с. 107].

Проблеме просветительского назначения музея было обращено также внимание VIII Археологического съезда в Москве в 1883 г. Автор одного из докладов – В. Г. Георгиевский [11, с. 81], – главным образом остановился на вопросе преподавания церковной археологии и создания церковно-археологического музея, деятельность которого должна быть направлена на изучение традиционных форм русского религиозного искусства и восстановления традиций иконописания. При этом докладчиком был подчеркнут учебный характер музея, содержание которого должно соответствовать программе учебного курса по церковной археологии. Положения, высказанные в докладе В. Г. Георгиевского, были реализованы при организации в 1886 г. древлехранилища при Братстве им. Александра Невского во Владимире, где основатель музея – настоятель Димитриевского собора В. В. Касаткин и первые хранители, среди которых был и автор доклада, собирали и изучали разного рода церковные древности, составляли их описания, вели просветительскую деятельность для учащихся семинарии и организованных при содействии Братства двух иконописных школ в Холуе и Мстере [12]. Доклад В. Г. Георгиевского на VIII Археологическом съезде дополнил Д. Г. Струков [37, с. 83]. Коснувшись вопросов охраны церковных памятников и отмечая варварское отношение к церковным древностям, Д. Г. Струков предлагал создавать при церковных приходах комиссии из образованных людей, в обязанности которых входила бы регламентация продажи церковного имущества скупщикам, выдача им «открытых

листов», сбор сведений о церковных и исторических древностях.

Вопросам устройства и развития музеев был посвящен доклад А. Д. Беляева [5, с. 82–83] на IX Археологическом съезде в Вильно в 1887 г. В своем докладе он выступил с критикой существующей систематизации памятников в музеях, обращая внимание на то, что распределение материалов по культурным или племенным типам, церковному, бытовому или в хронологическом порядке не дает целостного представления и не всегда используется последовательно. В связи с этим автор предлагает строить экспозицию музея по системе ступеней культуры, под которыми А. Д. Беляев понимает этапы развития человеческих знаний и навыков, выражающиеся в степени совершенства обработки различных материалов. При этом автор предлагает строить здания музеев прямоугольными, разделяя их на две параллельные части, в одной из которых располагались бы археологические материалы, а параллельно им – этнографические. Возможность сопоставления археологического и этнографического материала, по мнению автора, помогала бы определять и наглядно объяснять функциональное назначение и механизм использования некоторых археологических находок при сравнении их с этнографическими.

Отдельной группой источников в материалах археологических съездов можно выделить доклады и сообщения, касающиеся состава частных коллекций и вопросов коллекционирования в России. Значение частных и музейных коллекции для развития археологии было отмечено еще на II Археологическом съезде в докладе И. И. Срезневского, где автор с сожалением отмечал, что недоступность многих собраний, отсутствие опубликованных описей «делает невозможным основательное изучение древностей» [35, с. 1–24]. Публикация описей и документов из частных собраний предпринималась орга-

низаторами съездов систематически. Среди опубликованных в Трудах съездов материалов – описания: коллекции рисунков К. М. Бороздина, собранных в одной из первых историко-археологических экспедиций 1809–1810 гг. [28, с. 62–76]; коллекции арсенала в Царском Селе [18, с. 55–61]; боспорских монет из нумизматического собрания Императорского Эрмитажа [13, с. 30–34]; фамильных архивов князей Баюшевых Казанской губернии и Кочубеев Черниговской губернии [16, с. LII–LVIII]; собрание рукописей П. Я. Дорошенко из города Глухова Черниговской губернии [31], [6, с. 93–108]; характеристики коллекций и отдельных предметов из собраний Смоленского [34, с. 44–49], Румянцевского [42, с. 269–281], Виленского [1, с. 223–229], Дерптского музеев [43, с. XXIV], а также опись и историческая записка о памятниках, хранящихся в Андреевском соборе села Грузино, бывшем имении графа А. А. Аракчеева [21, с. 303–334] и ряда рукописных собраний [7, с. 46–57; 24, с. 452–458].

Особый интерес в деятельности археологических съездов вызывает выставочная практика. Обязательной программой археологических съездов стали публичные выставки, которые демонстрировали уровень развития археологии в России, привлекали внимание общества к проблеме охраны памятников истории и культуры, и носили научно-просветительский характер. Структура выставки, как правило, соответствовала структуре съезда и имела следующие разделы: древности первобытные; древности языка и письма, древности восточные, отдел картографии, отдел рукописей и старопечатных книг, исторический отдел, отдел церковных древностей. К участию в выставке Предварительный комитет старался привлечь как можно больше частных коллекционеров, музеев, собраний различных научных обществ. Среди постоянных участников выставок при археологических съездах можно назвать Музей древностей

Университета святого Владимира в Киеве, Музей этнографии, древностей и изящных искусств Казанского университета, Тверской, Рязанский, Донской, Минский музеи, Церковно-археологический музей Киевской Духовной академии, Волынское, Подольское Епархиальные древлехранилища, музеи Владимирского, Черниговского, Ковенского Статистических комитетов, Музей Одесского общества истории и древностей, коллекции Московского Археологического общества, Московского Антропологического общества, Эстонского ученого общества в Дерпте и ряд других. Но основными участниками выставок съездов безусловно являлись частные коллекционеры и собиратели «древностей». Наряду с такими известными коллекциями, как собрания А. И. Хлудова, П. В. Щапова, П. И. Севастьянова, А. С. Уварова, Ю. И. Иверсона, И. Л. Силина, В. В. Тарновского, А. Е. Теплоухова, Н. Л. Шабельской, А. М. Постникова, в выставках принимали участие также коллекционеры, собрания которых носили характер фамильных древностей или случайных находок. Экспонаты выставок, обзоры и отчеты об устройстве отделов выставок нередко становились темой докладов на заседаниях съездов [9, с. 49–57; 32, с. XLIII; 4, с. 85–91; 2, с. 220–223; 14, с. 40–43; 19, с. 146–148; 17, с. 166–172; 29, с. 207–219]. Каталоги выставок съездов являются уникальными источниками для выявления провинциальных частных коллекций, характеристики состава частных и музейных коллекций, научной, коллекционной и просветительской деятельности провинциальных музеев, архивов и библиотек, а также отражают состояние экспозиционной практики второй половины XIX в. – начала XX в.

Затрагивая вопросы истории музейного дела, важно отметить также организационную деятельность археологических съездов. На последнем, XV археологическом съезде в Новгороде в 1911 г., в докла-

де начальника Артиллерийского музея в Петербурге Д. П. Струкова [37, с. 517–523] прозвучала мысль о необходимости созыва Съезда музейных работников для обсуждения основных проблем российских музеев. Активное участие в организации Предварительного съезда музейных работников, который состоялся в Москве в 1912 г. в Историческом музее, приняли графиня П. С. Уварова, поддержавшая предложение Струкова и МАО. Для участия в съезде были приглашены представители исторических, археологических, церковных и военных музеев, как правительственных и общественных, так и частных, а также представители научных обществ, архивов, библиотек.

Проблемы, обсуждаемые на Предварительном съезде музейных деятелей, касались комплекса общенаучных вопросов, связанных с разысканием, сохранением и изучением памятников культуры,

а также вопросов, связанных с описанием памятников, их реставрацией, условиями хранения, музейно-выставочным оборудованием. Это был первый специализированный съезд, обсуждавший основные правила и методы деятельности российских музеев. К сожалению, деятельность запланированного на 1915 г. I Съезда музейных деятелей, как и археологических съездов, была прервана Первой мировой войной.

Являясь целостным источниковедческим комплексом, материалы археологических съездов России представляют большой интерес для исследования принципов и форм развития системы провинциальных музеев, музейно-просветительской деятельности, источников пополнения и использования частных и музейных коллекций памятников истории и культуры, выставочной практики в России второй половины XIX – начала XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авенариус Н. Н.* Описание ятвяжских древностей, хранящихся в Виленском музее // Труды 8 Археологического съезда. М., 1897. Т. 3. С. 223–229.
2. *Айналов Д. В.* Образцы старинного русского шитья и кружев Н. Л. Шабельской // Труды 8 Археологического съезда. М.; СПб., 1897. Т. 4. С. 220–223.
3. *Антонович Б. В.* О средствах для усиления археологических коллекций в Университетских музеях // Труды 6 Археологического съезда. Одесса, 1886. Т. 1. С. LXIII.
4. *Анучин Д. Н.* Несколько замечаний об устройстве при съезде выставки // Труды 7 Археологического съезда. М., 1891. Т. 3. С. 85–91.
5. *Беляев А. Д.* Об устройстве археолого-этнографических музеев // Труды 9 Археологического съезда. М., 1897. Т. 2. С. 81–83.
6. *Бережков М. Н.* Рукописное собрание Дорошенко в Глухове // Труды 12 Археологического съезда. М., 1901. Т. 2. С. 93–108.
7. *Богословский В. И.* Описание 5 синодиков, хранящихся в древлехранилище при Нижегородской духовной семинарии // Труды 7 Археологического съезда. М., 1882. Т. 3. С. 46–57.
8. *Брикнер Ю.* Какие могут и должны быть устраиваемы при университетском преподавании археологии практические упражнения и занятия // Труды 3 Археологического съезда. Киев, 1878. С. 39–48.
9. *Васценко.* Описание и измерение собранных черепов в Оренбургской, Уфимской и Курской губерниях // Труды 2 Археологического съезда. СПб., 1881. Т. 2. С. 49–57.
10. *Висковатов П. А.* По поводу сообщения графини Уваровой о провинциальных музеях // Труды 7 Археологического съезда. М., 1891. Т. 3. С. 107.
11. *Георгиевский В. Т.* О преподавании археологии в духовных семинариях и об устройстве епархиальных археологических музеев // Труды 8 Археологического съезда. М.; СПб., 1897. Т. 4. С. 81.

12. *Георгиевский В.* Краткое описание церковно-исторического древлехранилища при Братстве св. А. Невского во Владимирской губернии. Вязники, 1896.
13. *Грим А. И.* О петербургской нумизматической коллекции и находящихся в ней Боспорских монетах // Труды 2 Археологического съезда. СПб., 1881. Т. 2. С. 30–34.
14. *Гросвальд Ф. Т.* Отчет об устройстве латышской выставки // Труды 10 Археологического съезда. М., 1900. Т. 3. С. 40–43.
15. *Евлентьев К. Т.* Об учреждении Археологического музея в Булгаре // Труды I Археологического съезда. М., 1871. Т. 1. С. 89–95.
16. *Загоскин Н. П.* О рассмотренном собрании актов князя В. Н. Баюшева // Труды 4 Археологического съезда. Казань, 1884. Т. 1. С. LII–LYIII.
17. *Каманин И. М.* Выставка рукописей и старопечатных книг // Труды 11 Археологического съезда. М., 1902. Т. 2. С. 166–172.
18. *Келлер Е.* О царкосельском арсенале и о хранящихся в нем частях рыцарского вооружения // Труды 2 Археологического съезда. СПб., 1881. Т. 2. С. 55–61.
19. *Кордт В. А.* Картографическая выставка // Труды 11 Археологического съезда. М., 1902. Т. 2. С. 146–148.
20. *Лаикарев П. А.* Проект образования при Духовных Академиях Церковно-археологических музеев // Труды 2 Археологического съезда. СПб., 1881. Т. 2. С. 60.
21. *Лаиков Н. А.* Андреевский собор села Грузино, как хранилище исторических памятников эпохи императора Александра I // Труды 15 Археологического съезда. М., 1914. Т. 1. С. 303–334.
22. *Лихачев И. Ф.* Замечания, вызванные докладом графини Уваровой // Труды 7 Археологического съезда. М., 1891. Т. 2. С. 329–336.
23. *Лихачев И. Ф.* Об устройстве провинциальных музеев и основании общества охраны национальных памятников // Труды 7 Археологического съезда. М., 1891. Т. 2. С. 337–356.
24. О лицевых синодиках, поступивших в распоряжение Предварительного комитета по устройству 12 Археологического съезда // Труды предварительного комитета 12 Археологического съезда. Харьков, 1902. Т. 1. С. 452–458.
25. *Павлов П. В.* В дополнение к реферату Брикнера // Труды 3 Археологического съезда. Киев, 1878. Т. 1. С. 23.
26. *Петров Н.* Тридцатилетие Церковно-исторического и археологического общества при Киевской духовной академии // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1903. Январь. С. 134–151.
27. *Погодин М. П.* О судьбах археологии в России // Труды I Археологического съезда. М., 1871. Т. 1. С. 1–44.
28. *Поленов Д. В.* Описание Бороздинского собрания рисунков // Труды I Археологического съезда. М., 1871. Т. 1. С. 62–76.
29. *Редин Е. К.* Церковные древности на выставке // Труды 13 Археологического съезда. М., 1908. Т. 2. С. 207–219.
30. Рукописи из фамильного архива Кочубеев // Труды предварительного комитета 14 Археологического съезда. Чернигов, 1902. С. 180.
31. Рукописи П. Я. Дорошенко // Труды Черниговского предварительного комитета по устройству 14 Археологического съезда в Чернигове. Чернигов, 1902. С. 3–46.
32. *Румянцев В. Е.* О плащанице, присланной на выставку из Буковины // Труды 3 Археологического съезда. Киев, 1887. Т. 1. С. XLIII.
33. *Савваитов П. И.* По поводу сообщения Лашкарева // Труды 2 Археологического съезда. СПб., 1881. Т. 2. С. 60.
34. Свинцовые вислые печати Смоленского музея // Труды 9 Археологического съезда. М., 1897. Т. 2. С. 44–49.
35. *Срезневский И. И.* О современном состоянии русской археологии // Труды 2 Археологического съезда. СПб., 1881. Т. 1. С. 1–24.
36. *Струков Д. П.* Мнение об охране древних церковных предметов // Труды 8 Археологического съезда. М.; СПб., 1897. Т. 4. С. 83.
37. *Струков Д. П.* Русские древлехранилища и разобщенность их деятельности // Труды 15 Археологического съезда. М., 1914. Т. 1. С. 517–523.

38. *Уварова П. С.* Областные музеи // Труды 7 Археологического съезда. М., 1891. Т. 2. С. 259–287, 324–329.

39. *Филлимонов Г. Д.* Какое место должны занимать доисторические древности в наших собраниях // Труды I Археологического съезда. М., 1871. Т. 1., С. LXXXVII–LXXXVIII.

40. *Формозов А. А.* Собиратели каменных орудий в России в середине XIX века // Советская археология. 1986. № 3. С. 96–106.

41. *Фролов А. И.* Из истории становления музееведческих центров России // Музей и власть. М., 1991. С. 67–75.

42. *Хаханов А. С.* Грузинские рукописи Румянцевского музея // Труды 8 Археологического съезда. М., 1895. Т. 2. С. 269–281.

43. *Штида О.* 2 нефритовых топорах Дерптского музея // Труды 5 Археологического съезда. М., 1887. С. XXIV.